

О ГЛАВНОМ ГЕРОЕ РОМАНОВ ДОСТОЕВСКОГО (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ Л. САРАСКИНОЙ «ДОСТОЕВСКИЙ»)

Дагне Бержайте

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

«Литература – это не только книга; это прежде всего автор, человек из плоти и крови, который может к тому же оказаться близким знакомым».

Л. Сараскина¹

Не удивительно, что в одну из первых аннотаций на книгу Людмилы Сараскиной *Достоевский* (серия «Жизнь замечательных людей») вкралась ошибка: в метрике книги указано, что в ней – 348 страниц. Хотя на самом деле страниц в ней больше, чем в два раза – 825. Как будто «ошиблись» намеренно, чтобы количеством страниц «не испугать» человека XXI в., привыкшего, скорее, к быстрому, визуально-акустическому восприятию информации, нежели к внимательному чтению чего-то, близкого (по объему), например, к *Войне и миру*.

Однако читателя Ф.М. Достоевского такая «габаритная» биография писателя, по количеству страниц превыша-

ющая даже популярную монографию Леонида Гроссмана (605 страниц)², не может насторожить. Большинство интересующихся Достоевским, наверное (в шутку или всерьез), помнят слова Сергея Булгакова о «своем специфическом читательском калибре»³. Поэтому любитель творчества Достоевского только обрадуется еще одной возможности «досыта» насладиться чтением книги о своем любимом писателе, учитывая при этом, что книга написана одним из ведущих специалистов в области досто-

² Только в серии ЖЗЛ изданы три биографии Достоевского, написанные Евгением Соловьевым (последнее издание – 1922 г., 23 с.), Леонидом Гроссманом (1963 г., 605 с.) и Юрием Селезневым (1981 г., 543 с.).

³ Слова С. Булгакова цит. в предисловии рассматриваемой книги: «Понять тайну личности Достоевского – значит духовно познать ее, и это познание есть *интимный внутренний духовный акт*. Для того, кто однажды *заметил* Достоевского, он становится спутником на всю жизнь, мучением, загадкой, утешением. Середины здесь быть не может. Заметив Достоевского, нельзя уже от него оторваться... И в этом смысле отношение к Достоевскому более, чем многое другое, характеризует собственную индивидуальность человека, определяет его, так сказать, калибр». Цит. по: Сергей Булгаков. «Венец терновый. Памяти Ф.М. Достоевского (СПб., 1907 г., с. 18).

¹ Л. Сараскина, *Достоевский*, Москва: Молодая гвардия, 2011, с. 71. В дальнейшем страницы этой книги указаны после каждой цитаты в скобках.

евсковедения. Кроме того, читателя Достоевского, естественно, волнует вопрос: что нового сегодня можно написать о Федоре Михайловиче?

И еще несколько вопросов, которые, возможно, также возникнут перед тем, как приступить к чтению книги Сараскиной: включил ли автор новой биографии Достоевского в свою книгу существующие многочисленные толкования событий и фактов его жизни и, если включил, то каким образом? Остался ли автор биографии при этом узнаваемым и услышанным?

И здесь читателя ожидает разочарование. Нет, не книга разочаровывает⁴. Напротив. Это разочарование в себе, потому что вопросы, не дававшие покоя до начала чтения новой монографии Сараскиной, оказываются совершенно лишними. Все, что читателю известно о Достоевском, никоим образом не мешает получить истинное интеллектуальное наслаждение от встречи с уже известной информацией. Все чтению предшествующие знания растворяются в потоке фактов, тщательно Сараскиной отобранных. Отбор материала, вероятно, и был одной из самых сложных задач для автора книги. На мой взгляд, в книге доминирует принцип отказа от суждений современных авторов. И это понятно: как объять необъятное? Есть библиография, которая, пусть и названа

---

⁴ Единственное, что действительно разочаровывает в книге – это принцип подачи примечаний: их список расположен в конце книги. Возможно, таковы требования издательства. Но для такой большой по объему книги более неудобный способ расположения сносок и комментариев трудно было бы придумать.

краткой⁵, дает общее представление о том, какими именно источниками пользовался автор книги. Читателю остается сопоставить свои знания (кстати, полученные из тех же, не всегда включенных в книгу Сараскиной, источников) с тем, что изложено в новом исследовании, а также принять к сведению новые детали, которые раньше или ускользали от внимания, или о них просто нигде не упоминалось. Чего стоит, например, информация о том, как у Михаила Петрашевского появилась его знаменитая библиотека⁶, или данные о братьях Всеволоде и Владимире Соловьевых, которые, оказываются, «враждовали из-за наследства отца <...>, и автор *Братьев Карамазовых* внимательно наблюдал за братьями Соловьевыми» (с. 731). Для кого-то новостью будет указание на смерть десятилетней дочери брата Михаила – факт, дополняющий список несчастий, сопутствовавших созданию трагических *Записок из подполья*, или окончательно названные причины смерти отца девочки – любимого старшего брата Mich-Mich. Наконец, кто-то только теперь осознает, как на самом деле чувствовали себя заключенные, которых в кандалах, зимой, отправили в Сибирь в открытых санях (с. 248-252).

---

⁵ Как справедливо отмечается в примечаниях к библиографии, «полная библиография работ о Ф.М. Достоевском, вышедших в России и за рубежом, необозрима» (с. 814).

⁶ Вот что об этом рассказывает Сараскина: «Ему (Петрашевскому) приходилось участвовать в процессах по делам иностранцев и составлять описи выморочного имущества. Главный интерес представляли частные библиотеки, лишившиеся владельцев, и Петрашевский на свой страх и риск изымал интересующие его книги, подменяя их другими, купленными на свои средства в книжных лавках» (с. 166-167).

Благодаря знакомым или совершенно новым, забытым или свежо зазвучавшим в новом контексте фактам, вновь воскресшим свидетельствам как самого писателя, так и его современников, у читателя с автором книги завязывается своеобразный диалог. Действительно, куда без него, если речь идет о Достоевском? И начинается весьма плодотворный для читателя «соавторский» процесс. Конечно, в книге отсутствует диалог по образцу *Дневника писателя*: у биографа не тот жанр, не те цели. Но Сараскина будто предвидит «слово другого», в данном случае – своего потенциального читателя, и часто опережает его возможную реплику или вопрос. Если в книге не находишь объяснение чему-то там, где, кажется, оно должно быть (как, например, произошло с рассказом о почвенничестве), то это не значит, что речь об этом не всплывет в другом месте, в другом контексте. Как раз в этом «другом месте» и раскроются новые грани того или иного явления, о котором, оказывается, ты ничего на самом деле не знал. Каждый конкретный читатель может вступить в подобный диалог в любом понравившемся ему месте книги. Например, для автора данных заметок, вследствие предложенной в книге интерпретации проблемы духовного подполья в контексте рассказа о переживаниях писателя, который, оставив больную жену, уехал вместе с возлюбленной путешествовать по Европе, совершенно по-новому раскрылся смысл знаменитой записи «Маша лежит на столе».

Все ли суждения и толкования в данной книге удовлетворяют – это уже

другой вопрос. Можно, например, не согласиться с неизменным желанием Сараскиной выступать в роли адвоката писателя. Нужно ли это? Например, рассказ о непростых взаимоотношениях писателя с Аполлинарией Суловой⁷. В разных местах книги настойчиво повторяется, что Достоевский предлагал девушке выйти за него замуж, но она постоянно отказывалась (с. 462). В интерпретации Сараскиной этот отказ выглядит капризом молодой, избалованной женщины. Но с этим можно поспорить. Достоевский и впрямь «затянул» со своим предложением руки и сердца. Тут надо учесть ситуацию Суловой, как она в этот момент чувствовала себя. Достоевский действительно опоздал приехать: предпочел встрече с возлюбленной, ожидающей его несколько лет, другие, пусть и очень важные для *него*, но не для *нее*, дела. Такую обиду нелегко простить. А какая женщина забудет слова возлюбленного: «Не к дешевому *необходимому* счастью приглашаю тебя?»⁸ У возлюбленных время любви не обязательно совпадает. Как у Онегина с Татьяной... Но в книге представлены факты этой любовной драмы. И это главное: когда ты не согласен с их толкованием, ты имеешь

⁷ Хотя лучшего знатока этого вопроса, чем Сараскина, не найти: она является автором книги *Возлюбленная Достоевского. Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах* (Москва: «Согласие», 1994).

⁸ Это слова из письма Достоевского к Суловой. Цит. по: А.С. Долинин. *Аполлинария Сулова. Годы близости с Достоевским* (Москва, 1928, с. 137). Проблеме «Достоевский и Сулова» посвящена также статья автора данных заметок «А.П. Сулова и Ф.М. Достоевский: “чужие” и “свои”» (Д. Бержайте, *Literatūra*, 2005, № 47 [2], с. 26–37).

право на свою версию событий. Диалог продолжается.

Еще один пример, но уже совершенно другого плана, – трактовка знаменитого «еврейского вопроса». Эту сложную, для многих болезненную проблему автор книги дипломатично подытоживает суждением о писательской недооценке «обиды словом» (с. 672), а также мыслью о том, что «он (Достоевский) был совершенно искренним, когда доказывал, что никогда не испытывал к евреям ненависти как к народу» (с. 673). С одной стороны, если учесть все написанное по этому поводу, может показаться, что пресловутый «еврейский вопрос» не достаточно развит в книге. Но, с другой стороны, в контексте всего творчества, всей жизни Достоевского этот вопрос занимал ровно столько места, сколько ему уделено в книге Сараскиной.

Параллельно раскрывается еще одна особенность нового исследования о Достоевском: в самых «скользких» или «больных» местах его биографии автор «сохраняет дистанцию», сдерживает свою реакцию, не пытаясь стать участником тех дискуссий, которым не видно конца. Отстранение меняет взгляд, исследователь корректно не расставляет точки над “i”⁹, не оценивает некогда происходившее мерками современного человека, в данном случае, знаниями о холокосте.

Сараскина, видимо, полагается и на личный опыт каждого отдельного «человека Достоевского» (по Семену

⁹ Подобная тенденция очевидна, например, в новых исследованиях о Л.Н. Толстом, в частности, в книге Павла Басинского *Лев Толстой: Бегство из пая* (Москва: Астрель, 2011).

Франку, на его духовный опыт)¹⁰, у которого есть право на «своего» писателя, на «свою» его «биографию». Категоричность – враг биографических исследований. Поэтому автор книги не старается ответить на все вопросы, прокомментировать все проблемы, так же как и интерпретировать все тексты писателя. Многие главы произведения Сараскиной завершаются риторическими вопросами. И хотя на многое необъясненное из того, что является неотъемлемой частью мира Достоевского, у автора есть свои ответы, они не навязываются читателю. Как пример можно привести авторские размышления о том, почему, собираясь на родину после четырехлетнего путешествия по Европе, Достоевский хотел избавиться от рукописей даже напечатанных произведений. Сараскина пишет: «Очень скоро стало понятно, что жертва – если это была сознательная жертва – была оправдана. В те самые дни начала июля 1871 года, когда, готовясь к отъезду, они с женой жгли рукописи в камине, в Петербурге, в Судебной палате, начиналось слушание первого гласного политического процесса по делу Нечаева. <...> И так уж случилось, что во второй день по приезду (Достоевских) <...> вышел в свет “Правительственный вестник”, где был опубликован нечаевский “Катехизис революционера”» (с. 565-566).

Многие из тех, кто прочтет монографию Сараскиной, откроют новые для

¹⁰ С. Франк писал, например, что понимание «Легенды о Великом Инквизиторе» «зависит от глубины и ширины духовного опыта читателя». – *О Великом Инквизиторе. Достоевский и последующие*, Москва: Молодая гвардия, 1991, с. 243.

себя факты. Ибо где еще в одном месте можно найти столь полную информацию о происхождении и жизни отца писателя, или сведения о том, как выглядели в 30-е годы позапрошлого века крестьянские дворы приобретенного им Хотяинцева? Главы о Михаиле Андреевиче Достоевском отличаются от всего ранее написанного об этом замечательном человеке, которым сын-писатель, на самом деле, мог только гордиться. «М. А. Достоевский в возрасте Родиона Раскольникова и Ивана Карамазова показал, каким может быть во время настоящей опасности бедняк-студент, без связей и покровителей, без поддержки семьи, одинокий во всем мире» (с. 47). И все плохое, что привыкли, рассуждая об отце писателя, отмечать другие его биографы, Сараскина не стесняется назвать «фрейдистской клеветой» (с. 80). Страницы, посвященные описанию жизни Михаила Достоевского, – это своеобразный гимн человеку, который, как пишет Сараскина, интуитивно понимал, что «если в семье по какому-то капризу природы окажется гений, нужно постараться его не потушить во младенчестве» (с. 65). И еще одна запоминающаяся деталь в рассказе Сараскиной о детстве будущего писателя: «Писатель Достоевский – редкий, может быть, единственный представитель русской классической литературы, который не был бит в детстве» (с. 68). Задумывались ли раньше об этом?

В книге по-новому и, на этот раз, убедительно «реабилитируется» и личность Анны Григорьевны Сниткиной-Достоевской, которую многие привыкли считать, скажем, слишком «простой»

для Достоевского. Сараскина, описывая историю взаимоотношений ее родителей, дает понять, что только такой, из поколения в поколение передаваемый, уравновешенный, порядочный, уважительный, благочестивый образ жизни, который Сниткина вынесла из отчего дома, и мог стать тем единственным убежищем, которое Достоевский искал всю жизнь. После знакомства со словесным портретом Анны Григорьевны, представленным в книге Сараскиной, не можешь не вспомнить известные слова Афанасия Фета: «У каждого такая жена, какая ему нужна».

Достоевский является также исследованием истории России XIX в. Определенного читателя, безусловно, заинтересуют рассказ о русско-европейском конфликте в связи со «святыми местами» (с. 279) или представленный в книге разворот событий в момент гибели императора Александра II, который, «уцелев после первого взрыва, сможет выйти из кареты и склониться над телом тяжело раненных казака и мальчика-прохожего, не думая о возможности нового покушения...» (с. 777).

Любопытны страницы монографии, описывающие быт, увлечения людей XIX в. и требующие от автора не только литературоведческой компетенции. Рассуждения Сараскиной о рулетке и о том, почему Достоевский выбрал именно эту азартную игру, а не, например, карты или бильярд¹¹, – это отдельное

---

¹¹ «Бильярд немислим без хорошего глазомера, четких движений и крепких рук, гибкого тела и здоровых суставов, а также ясных представлений о кинематике. Домино, как и карты, невозможно без комбинаторской памяти, без умения блефовать, без

исследование, еще раз убеждающее, что истинному знатоку художественной реальности под силу объяснить многое в реальности действительной.

Но главное в книге, конечно, – сам Достоевский, а также окружавшие его люди, их жизненные истории. *Достоевский* Сараскиной невольно отсылает к *Былому и думам*, об авторе которых в книге не раз упоминается. Ассоциация с Александром Герценом возникает не только из-за схожего принципа «анонсирования» и представления информации в отдельных частях и главах книги, но и благодаря включению в главное повествование самостоятельных отдельных историй, которые в совокупности позволяют создать более полную и объективную картину жизни главного героя. Более того, в книге явно присутствует тема «перекрестка» человека и истории.

Тем, кто играл существенную роль в процессе формирования духовной биографии писателя, в книге уделяется, естественно, больше внимания. Среди самых запоминающихся – история На-

---

учета партнера – его психологии, азарта и игровых качеств. Бильярд и преферанс, домино и шосс требуют мастерства и зависят от квалификации игрока, то есть можно говорить о тактике, стратегии, шансах на успех.

Иное дело рулетка, где вероятность, что выпадет вожденное *zero*, иллюзорна и где никакая стратегия игры не может быть выигрышной. Слепое, непредсказуемое счастье, которое во мгновение ока может обернуться непереносимым горем. Рулетка не требует от игрока опыта и специальных знаний, и он, игрок, может быть неизлечимо глуп, нетрезв или подкатить к столу в инвалидном кресле. Единственный способ не проиграть в казино – это *не играть*, ибо цифры рулетки – это такая «математика», на которую не действуют математические методы и новоизобретенные системы» (с. 404-405).

тальи Фонвизиной, «женщины-легенды, ангела-хранителя многих узников». В ходе рассказа о ней становится понятно, почему именно Фонвизиной, и никому другому, Достоевский осмелился высказать самое заветное – свои мысли о вере и неверии: «Пятидесятилетней женщине, которая находится в тяжелом несчастье вот уже четверть века, которая оплакивает потерю детей, которая вернулась из изгнания как в пустыню, которая относилась к нему (Достоевскому) все годы его каторги как гений страдания, и сообщает он свой Символ веры – никого другого у него не будет никогда» (с. 271).

Нельзя не обратить внимания и на новый подход автора книги к личности внука Николая Карамзина – князю Владимиру Мещерскому, политическому чутью которого, по мнению Сараскиной, «Достоевский явно симпатизировал». Оказывается, Мещерский утверждал, что «не видел на своем веку более полного консерватора, более убежденного и преданного своему знамени монархиста, не видел более фанатичного приверженца самодержавия, чем Достоевский...» (с. 588, 590).

Не все знакомцы Достоевского удостоены подробного описания. О многих в книге сказано бегло, мимоходом, но их характеристики точны и остроумны. Например, о Дмитрие Григоровиче: «...“свои” прекрасно знали, что Григорович, из любви к искусству, передавал все всем: Достоевскому – то, что говорят о нем и его романе, кружку – как Ф. М. бранится на них, “завистников, бессердечных и ничтожных людей”» (с. 147); об учителе Вергунове, близком

знакомом первой жены Достоевского: «...сам учитель, просивший при встрече с соперником “дружбы и братства”, глупо, истинно по-кузнецки обиделся, оскорбился...» (с. 301). Или точная и, вместе с тем, безобидная оценка Любо-ви Федоровны Достоевской – «фанта-зерка» (с. 312).

Отдельного упоминания заслуживает то, что написано Сараскиной по поводу Николая Страхова. Не будет преувеличением сказать, что лучшего разоблачения фигуры «родоначальника» «Матрешкиной проблемы», его клеветы на Достоевского еще не было: «Человеческая заурядность, которую он (Страхов) годами пытался скрывать, тесно общаясь с двумя гениями (Достоевский и Толстой), была истинным несчастьем, и он не удержался на точке чести и благородства» (с. 551). Однако характеристика сути этой личности – еще не все. Клевета и ложь Страхова, в которых автор исследования несколько не сомневается, опровергается творчеством Достоевского. Как известно, Страхов в своем «черном деле» сравнивал писателя со Ставрогиным. Анализируя литературный портрет главного героя *Бесов*, Сараскина более чем убедительно доказывает, что ни в поведении, ни во внешности этого романного персонажа нет ничего от его создателя; напротив, в лице Ставрогина «писатель вывел своего антипода» (с. 551)¹². По-

¹² Было бы хорошо, чтобы на это обратили внимание те, кто считает, что «под пером Л. Сараскиной вот уже который год именно он (Ставрогин), а не князь Мышкин и не Алеша Карамазов становится все более знакомым персонажем Достоевского, чуть ли не альтер эго писателя». – Карина Булыгина, «Под китовым пером», <http://lokalt.ru/literaturnaya>

этому вся «аргументация», изложенная Страховым в доносе на Достоевского, гроша ломаного не стоит. И спорить с Сараскиной здесь совершенно не хочется.

Принципиальной особенностью книги Сараскиной является то, что это не столько повествование о человеке по фамилии Достоевский¹³, чью жизненную историю можно изучать как некую энциклопедию человеческих страданий, сколько история писателя Достоевского, для которого «сочинительство – занятие самодостаточное и является целью, а не средством. Даже в том случае, – продолжает автор книги, – когда оно не сулит ни славы, ни денег, ни почестей, для человека призванного это счастливый и спасительный удел» (с. 351). Особый интерес представляет сараскинская формулировка писательского дела вообще: «Литераторство как профессия, как особый взгляд на мир и способ познания людей имело то преимущество, что в момент самого искреннего страдания и невыносимой боли где-то на обочине сознания теплилось нечто живое и очень, очень внимательное. “Оно” слушало и смотрело, запоминало и откладывало про за-

gazeta--6345---44-2011/5414-pod-kitovym/28294982.html [2012-09-23]

¹³ Интересно, что в одном интервью, данном после выхода телевизионного фильма *Достоевский*, на вопрос, «будет ли этот фильм способствовать росту интереса к творчеству Достоевского?», Сараскина ответила, что «этот фильм к творчеству писателя имеет очень мало отношения» (Курсив мой. – Д.Б.). «Кто же все-таки написал романы, которыми вот уже полтора столетия одержимо все читающее человечество? Кто стал национальным философом России? С каким именем рифмуется само понятие “Россия”? Об этом фильм целомудренно и стыдливо умалчивает...». – «Гений в тисках порока», <http://www.rg.ru/2011/05/27/dostoevskiy.html> [2012-08-21]

пас те минутные впечатления, которые могли казаться глубоким, невыразимым горем или, напротив, беспредельной, неопикуемой радостью» (с. 353).

В книге не раз отмечается уникальная (и, возможно, не только для русской литературной традиции) «система» писательской деятельности Достоевского, о которой все знают, но которую до Сараскиной никто так точно не определил. Ее суть, с точки зрения исследовательницы, заключалась в «комбинации двух заказов и авансов» одновременно (с. 322). Другими словами, система «кабального долга» (с. 535) обуславливала рождение гениальных произведений только в безвыходных ситуациях (с. 534). Поэтому автор книги окончательно «снимает» вопрос о том, *что* и, главное, *как* писал бы Достоевский, если бы он имел те же возможности и условия, что и обеспеченные литераторы его времени: Толстой, Тургенев или Гончаров. «Система литературного труда в режиме всегашнего долга, – объясняет Сараскина, – как оказалось, имела некоторые парадоксальные последствия: то, что поначалу виделось как отработка, постепенно перемещалось в центр жизни, а потом захватывало целиком – писание из-за денег становилось сочинительством по страсти и вдохновению, и тогда Достоевский менее всего ощущал себя литературным поденщиком» (с. 533).

Исследовательница постоянно ищет возможности рассказать, каким образом то или иное событие, впечатление, переживание влияло на творческие планы писателя. По словам Сараскиной, еще до того, как стать писателем, Достоевский отмечал, что из всего прочитанно-

го извлекает именно «умение создавать» (с. 126). И на каторге «ему предстояло привыкнуть к самому страшному – к запрету на писательство» (с. 260). Автор книги даже личные качества писателя объясняет его исключительным призванием: «Пресловутая раздражительность и неодолимая мнительность Достоевского, о которых так много писали мемуаристы, имели, помимо болезненной нервности, одну причину: невозможность избавиться от всего, что мешало думать, читать, писать, то есть совершать главное дело своей жизни. Он жил в постоянном умственном напряжении, внутри кипела непрерывная работа, о которой не имеют понятия люди, чуждые писательству» (с. 758).

Красной нитью через всю книгу проходит мысль о спасительной миссии литературного труда: «Душа была нездорова, но неумолимо звала работа – только она способна была вытащить из западни и исцелить душу» (с. 495); «Этой опаснейшей художественной работе и суждено было вытащить Достоевского из омота русской игры, о котором говорил благородный английский сахаровар мистер Астлей, персонаж *Игрока*» (с. 548); «Достоевский, как и его герои, тоже был одержим идеями, мучим бытием Божьим, озадачен поиском правды и утверждением истины. Однако, в отличие от иных своих героев, убийц и самоубийц, *спасался творческой работой*, не впадая праздность и пагубное уныние» (с. 637. Курсив мой. – Д.Б.).

В связи с этим, нельзя не отметить блестящий пассаж Сараскиной о главном герое *Идиота*: «Князь Мышкин – в этом, быть может, и заключалось его че-

ловеческая миссия – протягивал писателю руку помощи: герой, гений сострадания, давал автору уникальный шанс выбраться из пучины горя» (с. 495)¹⁴. Аналогично звучит и новаторское отношение автора монографии к рассказчику *Записок из мертвого дома*: «... убийца Горянчиков хотел искупить смертный грех и обрести душевный покой. И Достоевский давал герою этот единственный шанс: литературное занятие должно было поддержать человека в минуты душевного отчаяния, вытащить из обывательской трясины, помочь в болезни и одиночестве» (с. 355).

В целом, теме рождения и создания текста (как особом отношении к предмету и особенном образе жизни) в исследовании Сараскиной уделяется чрезвычайно большое внимание. Среди самых занимательных страниц книги – рассказ о литературном пути героя-сочинителя в *Униженных и оскорбленных*, где автор романа «устаами автобиографического героя публично объяснялся в любви к своей профессии» (с. 354), а также изложение оценки старцем Тихоном «пробы пера» Ставрогина, которого, по словам Сараскиной, «плотным кольцом окружали графоманы и стихоплеты, крупные литературные знаменитости и мелкие околотитературные сошки, полные бездари и личности не вполне бесталанные» (с. 570). Установленная Сараскиной параллель между старцем Тихоном и Михаилом Катковым и их отношением к «исповеди» Ставрогина – среди самых занимательных эпизодов книги.

¹⁴ Речь в данном случае идет о горе, которое испытывал Достоевский после смерти первой дочери.

В монографии постоянно акцентируется мысль о том, что личная жизнь художника неразрывно связана с его творчеством. По мнению исследовательницы, «каждое новое сочинение, полное страстей и страданий, невольно провоцировало автора проверить опыты своих героев в реальном мире; каждое новое переживание автора обречено было, дождавшись своего часа, обратиться в текст» (с. 353). Это не означает, что Достоевский писал только о лично знакомом и пережитом. Но и знаменитая формула «смерть автора» никак не может объяснить сложнейший процесс человеческой деятельности – художественное творчество. Жизненные поступки писателя нельзя понять без анализа его произведений, – считает автор книги, – как и многое в этих произведениях останется за пределами понимания без знания конкретных фактов из личной жизни их создателя. Одно без другого немислимо. Процесс творческого переосмысления реальности – это «волшебство преображения обыденного в феноменальное» (с. 487).

Проблема взаимодействия героя и его прототипа лучше всего, кажется, объяснена при анализе романа *Бесы*¹⁵. Сараскина убедительна в изложении того, почему «поиск героя так или иначе оборачивался поиском себя» (с. 530),

¹⁵ Конечно, в этой части своего исследования Сараскина во многом отталкивается от предшествующей своей книги *Федор Достоевский. Одоление демонов* (1996). Но было бы странно, если бы исследователь не воспользовался собственными открытиями в последующих научных публикациях. А между тем, указания на это (в виде упреков) проскальзывают в некоторых лаконичных рецензиях на новую книгу о Достоевском.

и сам Достоевский постепенно превращался в «главного героя своих романов» (с. 637), а они, в свою очередь, становились автобиографическими текстами (например, *Бесы*, с. 561) или романами «самовоспитания и перевоспитания» (например, *Подросток*, с. 629). С подобным мнением могут спорить, вероятно, только те, кто не понимает метафоричности подобных суждений. Но сказано хорошо и точно, в духе очень субъективного и абсолютно самостоятельного отношения к Достоевскому. А это самое важное в книге Сараскиной. Обо всем другом в той или иной степени все-таки известно...

В отличие от остальных биографов Достоевского, Сараскина не старается высказаться о каждом его произведении, даже не все тексты писателя ею упоминаются. Раннему периоду творчества писателя в книге уделяется явно меньше внимания. И в этом – тоже особое, личностное отношение к Достоевскому. Сараскина помнит о том, что Достоевский еще и национальный философ России. В произведениях же, написанных до каторги или сразу после нее, это никак не проявляется. В этом плане новая книга о Достоевском по духу ближе к концепциям религиозных мыслителей (в частности, Дм. Мережковского), считавших, что «основной» Достоевский «рождается» только после 60-х годов.

Особый авторский взгляд на Достоевского проявляется и в том, что у Сараскиной, например, отсутствует отдельный исследовательский эпизод, касающийся «Легенды о Великом Инквизиторе» – текста, мимо которого не прошел ни один биограф писателя. Од-

нако многое, связанное со всем «вокруг Христа», представлено в книге при анализе романов *Идиот* и *Бесы*. И тут невозможно не указать на тот фрагмент книги, в котором речь идет о самоопределении каждого из героев *Бесов* через его отношение к Христу: «Я – взамен Христа»; «Я – без Христа»; «Если не Христос, то я»; «Если Христос, то и я» (с. 561).

Думается, каждый читатель по-своему воспримет предложенный Сараскиной анализ отдельных текстов Достоевского. Но то, что ее прочтение отличается свежестью (что, казалось бы, уже маловероятно сегодня) и убедительностью, оценят многие. В подтверждение этому можно привести некоторые примеры. Во-первых, автор книги, рассматривая то или иное произведение, «воскрешает», возвращает к читателю высказывания давно забытых современников Достоевского. Оказывается, первым, кто заговорил о нравственных муках Раскольникова, которые сильнее всякой физической казни, был романист Н. Ахшарумов, написавший об этом буквально сразу после выхода *Преступления и наказания* в 1867 г. (с. 443). Само повествование о Раскольнике выделяется тем, что, в отличие от большинства, писавших об этом романе, Сараскина концентрирует внимание на жертвах Раскольникова, о которых главный герой романа совершенно не сожалеет. И в этом, по мнению исследовательницы, заключается основная его характеристика. Раскольников забыл не только об Алене Ивановне, православной, оставившей завещание в пользу монастыря, но и о беременной Лизавете: «... не в

его привычках думать об убитых им людях, он *сам себе* важнее, чем убитые – и это главная улика его преступления, это почерк убийства, это судьба убийцы; тот именно пункт, который препятствует искреннему покаянию, исправлению и возрождению» (с. 451). Сараскина пишет: «А с Миколкой – была бы и четвертая жертва. А если бы подвернулся еще кто-нибудь? Например, Соня? Убийство – занятие заразное, оно затягивает, как наркотик» (там же). К «жертвам» Раскольникова автор причисляет и его мать: «... нравственное чувство писателя подсказало, что для матери *такое* преступление сына несовместимо с жизнью» (с. 450)¹⁶. По-новому в книге представлен и Свидригайлов, который парадоксальным образом оказывается тем единственным, кто – «на стороне жертв, которые вычеркнуты из сознания убийцы» (с. 455).

Хотя все романы писателя характеризуются как произведения, исполненные «тайн и загадок, неразрешимых вопросов и непредвиденных ответов» (с. 455), Сараскина в этом контексте особо выделяет *Братьев Карамазовых*. Основным конфликтом этого романа

она считает конфликт между образованностью и религиозностью, т.е. то, о чем еще, кажется, никто не писал. И вся трагедия изображенного Достоевским мира определяется ею как результат «*опыта недоверия вере другого как знака вражды и ненависти*» (с. 725). В рассказе о неосуществимой мечте писателя увидеть «синтез европейского образования и истинного духовного просвещения» (с. 724) особенно выделяются авторские суждения об Алеше, история которого является прямым доказательством того, что «роман обнажал не гармонию единства, а трагедию противоборства» (с. 725). Например, младший из Карамазовых, пишет Сараскина, «ни разу не вступает за убогого эпилептика <...>, не урезонирует родных, чтобы удержались от непереносимых оскорблений, полагая, что “лакей” и “хам” не чувствителен к ним» (с. 726); «В номинальном перечне Алеши, – читаем уже в другом месте, – когда он у камня призовет мальчиков всегда помнить Илюшу Снегирева и его грешного отца, как-то странно не окажется отца самого Алеши и его единокровного брата Смердякова. Читателя должны были болезненно поразить бесчувствие младшего Карамазова <...>. Ошеломит и неуместность веселья Алеши, “башмаков не изнашившего” с похорон отца» (с. 729-730). В таком контексте очень уместна ссылка Сараскиной на Николая Федорова, не признававшего в Достоевском адепта своего учения (с. 730).

При чтении *Достоевского* возникает желание поблагодарить автора за цитирование тех фрагментов из произведения Достоевского, которые не «пользу-

---

¹⁶ Так уж совпало, что как раз во время чтения книги Сараскиной автору данных заметок совершенно случайно довелось посмотреть фильм *Нужно поговорить о Кевине* (*We need to talk about Kevin*, 2011), снятом по широко известному на Западе одноименному роману Лайонел Шрайвер (Lionel Shrivets). И в книге, и в фильме рассказывается о тяжелейших муках матери, чей сын убил не только своих школьных друзей, но и своего отца, и малолетнюю сестру. В этой истории не хочется верить в способность матери «выжить», пережить случившееся. И после замечания Сараскиной о несовместимости жизни матери с преступлением ее сына грань между искусством и тем, что претендует им быть, становится еще более очевидной.

ются успехом» у других дostoевсковедов. Автор книги, как бы банально это не звучало, настаивает на необходимости перечитать тексты писателя. Так, после рассуждений о *Братьях Карамазовых* по-новому раскрывается смысл одной малозаметной цитаты – о «прекрасно сшитом сюртуке, мягкой круглой шляпе» Алеши (с. 731). Хочется вступить в диалог с исследовательницей, потому что, действительно, подобные шляпы у Достоевского уже носили Валковский и Раскольников, Свидригайлов и Ставрогин¹⁷. Значит, и Алеша с ними в одном ряду? Как тут не вспомнить о

¹⁷ Об этом см. в статье «Достоевский в Америке, или некоторые заметки по поводу прочтения одного романа» (Д. Бержайте, *Literatūra*, 2007, № 49 [2], с. 21-39).

APIE PAGRINDINĮ F. DOSTOJEVSKIO ROMANŲ VEIKĖJĄ (PASTABOS L. SARASKINOS KNYGOS „DOSTOJEVSKIS“ PARAŠTĖSE)

Dagnė Beržaitė

S a n t r a u k a

Šios publikacijos tikslas – išsamiai aptarti prieš metus (2011 m.) Rusijoje išleistą vienos garsiausių šių laikų Fiodoro Dostojevskio kūrybos tyrinėtojos Liudmilos Saraskinos monografiją *Dostojevskis*. Tai jau trečia ir didžiausia savo apimtimi (825 puslapiai) rašytojo biografija, kurią pristato garsi biografinių knygų serija *Žygn' zamečatel'nych liudei*. Straipsnio autorė siekia išsiaiškinti, kuo dar viena rašytojo gyvenimo istorija galėtų patraukti, sudominti šių dienų skaitytoją, seniai, kaip jam atrodo, „viską apie Dostojevskį žinantį“, pripratusį prie vis naujų šio rusų rašytojo kūrybos ir gyvenimo studijų, kurios dėl savo gausos jau tarsi ir suformavo tam tikras išankstines, dažnai

swidetailstwe Alekseja Suworina: «Ego by kaznili»?

Novąją knygą o Dostojevskom, daže pri nalichii ogromnogo potoka literatury o nem, chočetsja pereskazыvatъ. Ne istoriju žizni pisatelja, ne ego proizvedenija, kotoryje, v svoju očeredy, chočetsja eše raz pereritatъ, a imenno to, kak vse eto vmeste predstavleno u Saraskinnoj. Ešli podumatъ, to sredi množestva trudov o Dostojevskom knig, kotoryje vyzыvali by podobnoe stremlenie, ne tak uđ mnogo. U každogo iz nas ešть svoi naučnyje predpočtenija: u kogo – Konstantin Močuľskij, u kogo – Leonid Grosman. Dlja avtora etix zametok kniga Saraskinnoj – iz etogo pererčnja, v rjadu «ľubimых avtorov Dostojevskogo».

ne pačias palankiausias nuostatas vertinant kiekvieną naują monografiją Dostojevskio tema. Straipsnio autorės nuomone, vienintelis dalykas, kuris dar galėtų sudominti Dostojevskio kūrybos gerbėjus ir paskatintų juos toliau gilintis į tokio pobūdžio studijas, tai kiekvienam skaitytojui sudaryta galimybė užmegzti dialogą su knygos autoriumi siekiant išsiaiškinti tai, kas jam dar nežinoma, ar tiesiog polemizuoti su juo pačiais įvairiausiai Dostojevskio kūrybos ir jo gyvenimo faktų traktavimo klausimais. Būtent toks „dialoginis“ knygos pobūdis, pasak straipsnio autorės, ir išskiria naują Saraskinos monografiją.

Получено: 2012, сентябрь

Принято: 2012, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: Dagne.Berzaite@flf.vu.lt